

Управляющий Фан пришел подавать завтрак в половине восьмого утра.

По заведенному обычаю он сначала постучал, чтобы обозначить свое присутствие, а затем вошел в комнату с подносом.

Он полагал, что, хотя Чи Е и провел здесь ночь, Гу Цунчжоу, как обычно, уже сидит в кабинете за работой. Управляющий приготовил кофе и сэндвичи, собираясь оценить обстановку, а заодно доложить о делах его дяди.

Но, переступив порог, он замер. Все мысли о Чи Е и делах дяди мгновенно вылетели из головы — он никак не ожидал увидеть, как Гу Цунчжоу спит, прислонившись к спинке дивана.

Настоящий сон.

Не просто закрытые глаза, чтобы дать им отдых.

И не короткая дремота.

Он спал по-настоящему, глубоко и крепко.

Даже шум, который произвел управляющий, входя в комнату, не разбудил его.

Управляющий затаил дыхание. От изумления и охватившего его волнения руки, державшие поднос, оцепенели и задрожали.

Он видел, как рос Гу Цунчжоу, и никто не знал лучше него, насколько тяжела болезнь молодого господина. С того самого случая Гу Цунчжоу не удавалось проспать больше двух часов подряд.

Сон был невероятно чутким. Врачи пробовали все виды лекарств и психологической терапии, но ничего не помогало. Даже препараты, способные уложить любого человека в глубокий сон, на Гу Цунчжоу действовали лишь поверхностно — стоило кому-то открыть дверь, как он тут же просыпался.

А сейчас, прямо перед его глазами, Гу Цунчжоу спал.

В утреннем свете, заливавшем комнату, дыхание молодого господина было ровным и спокойным. Очки, снятые с лица, лежали на журнальном столике, а тонкие, изящные пальцы, похожие на бамбуковые стебли, безвольно свисали с края дивана.

Управляющий боялся даже дышать и простоял так в оцепенении ровно пять минут.

Спустя пять минут от сильного напряжения его руки задрожали, и чашка с блюдцем тихо звякнули.

Этот звук разбудил Гу Цунчжоу.

Он медленно приоткрыл свои узкие глаза. Секунду он смотрел перед собой затуманенным взором, но, стоило ему перевести взгляд на дверь, как сонливость мгновенно исчезла.

Однако эта сонливость действительно была.

Управляющий корил себя за то, что руки его не послушались и разбудили господина:

— Молодой господин, вы проснулись?

Гу Цунчжоу слегка нахмурился, бросил взгляд на яркое небо за окном и спросил:

— Который час?

— Половина восьмого, — ответил управляющий.

Гу Цунчжоу немного помедлил, взял в руки очки и поинтересовался:

— Во сколько придет мой дядя?

— Будет в восемь.

Произнося эти слова, управляющий все еще пребывал в растерянности, не в силах оправиться от потрясения. Он был поражен, и это чувство навалилось так внезапно, словно... словно однажды утром ты просыпаешься и видишь, что петухи несут яйца, куры кукарекают, а солнце встает на западе.

— Понятно, — кивнул Гу Цунчжоу. Он на мгновение задумался, а затем перевел взгляд в сторону пианино.

Управляющий проследил за его взглядом и только сейчас вспомнил, что Чи Е тоже здесь.

Чи Е лежал на кровати, не раздеваясь, без подушки. Одной рукой он прикрыл глаза, одеялом не укрылся, а сам лежал наискосок, свесив ногу с края кровати — будто собирался просто прилечь, но нечаянно уснул.

Пианино рядом было закрыто, а ноты аккуратно сложены сбоку.

Управляющий нахмурился, собираясь было согнать парня, но вдруг что-то вспомнил. Его лицо слегка изменилось, он с сомнением посмотрел на Чи Е и внезапно замялся, не зная, как поступить.

Гу Цунчжоу заговорил первым:

— В восемь, когда придет дядя, проводишь его.

— Слушаюсь.

Значит, позже, не прямо сейчас. Нужно дать человеку еще немного поспать...

Управляющий обдумывал скрытый смысл слов Гу Цунчжоу и украдкой вновь взглянул на Чи Е.

Чи Е проснулся и, услышав, что его собираются выпроводить, испытал одновременно радость и тревогу.

Радость — оттого, что наконец-то покинет дом Гу, причем довольно легко.

Тревога — оттого, что он не знал, как именно настроен Гу Цунчжоу, полностью ли он простил его за помощь Гу Чуаньдуну с подмешиванием лекарства, и идет ли развитие сюжета по иному пути.

Он ведь всю ночь не спал, надеясь, что старания не прошли даром.

Он спустился по винтовой лестнице из цельного дерева. На улице стояла прекрасная погода конца лета — начала осени, небо напоминало синюю цветную бумагу, а яркие солнечные лучи пробивались сквозь огромные окна, покрывая дорожную мебель золотистым блеском.

На первом этаже было не так пусто, как на втором, там и тут сновали слуги.

Чи Е еще не успел дойти до низа, как за спиной послышались шаги. Управляющий Фан догнал его:

— Господин Чи, подождите. Я провожу вас.

Тон его разительно отличался от вчерашнего, даже обращение изменилось.

Чи Е, конечно, это заметил, замедлил шаг и дождался управляющего:

— Благодарю за беспокойство.

— Это мой долг, — отозвался Фан, поравнявшись с ним и направляясь к выходу. Он словно невзначай спросил: — Как вам спалось этой ночью, господин Чи?

— Неплохо, — ответил Чи Е.

Управляющий Фан осторожно поинтересовался:

— А что вы делали перед сном?

Чи Е остановился и улыбнулся:

— Вы хотите спросить о молодом господине Гу, верно?

Управляющий замер. По правде говоря, до сегодняшнего утра он терпеть не мог Чи Е. Он видел слишком много таких тщеславных и мечтательных маленьких актеришек и не хотел тратить на них даже лишнего взгляда.

Но то, что произошло сегодня утром, изменило его отношение к Чи Е... если не на сто восемьдесят градусов, то на девяносто точно.

Неважно, чего добивался Чи Е, но тот, кто смог ублажать Гу Цунчжоу, — полезный и хороший человек!

Однако в этот момент он обнаружил, что Чи Е не только полезен, но и куда умнее, чем он думал, по крайней мере, в разговоре он держался очень открыто и достойно.

<http://bllate.org/book/19078/1873646>